

ZOJA KUCA

Uniwersytet Łódzki

ORCID 0000-0003-2194-9250

ALEKSY KUCY

Uniwersytet Łódzki

ORCID 0000-0001-6655-6886

Иудео-христианский казус в романе Людмилы Улицкой *Даниэль Штайн, переводчик*

Judeo-chrześcijański dylemat w powieści Ludmiły Ulickiej *Daniel Stein, tłumacz*

Streszczenie: Powieść Ludmiły Ulickiej *Daniel Stein, tłumacz* porusza zagadnienia z zakresu filozofii, kulturologii, teologii, religioznawstwa, socjologii, psychologii. Jest to książka o II wojnie światowej, Holokauście, pogromach Żydów, o metodach walki władzy radzieckiej z Żydami. Jednak główny jej sens sprowadza się do opisu życia i działalności polskiego Żyda-chrześcjanina, który poprzez swoją posługę i nauczanie szerzył niejako nowy model chrześcijaństwa — judeochrześcijaństwo. Analiza powieści Ulickiej z punktu widzenia tej właśnie problematyki stanowi główny cel badawczy niniejszego artykułu.

Słowa kluczowe: *Daniel Stein, tłumacz*, II wojna światowa, holokaust, model chrześcijaństwa — judeochrześcijaństwo

Judeo-christian dilemma in the novel by Ludmila Ulitskaya *Daniel Stein, the translator*

Summary: Ludmila Ulicka's book *Daniel Stein, the Translator* deals with issues in the field of philosophy, culture, theology, religious studies, sociology, psychology. It is a book about the Second World War, the Holocaust, pogroms of Jews, and the methods of fighting Soviet power against Jews. However, its main meaning boils down to the description of the life and activity of a Polish Jew-Christian who, through his ministry and teaching, in a way promoted a new model of Christianity — Judeo-Christian. The analysis of the Ulicka novel from the point of view of this issue is the main research goal of this article.

Keywords: *Daniel Stein, The Translator*, judeo-christian dilemma, Second World War, the Holocaust, model of Christianity – Judeo-Christian.

Вопрос иудео-христианства в творчестве Людмилы Улицкой не является новой исследовательской задачей. Эта тема заинтересовала не только исследователей творчества писательницы, но также историков, религиоведов, культурологов и т.д. Присутствие христианско-еврейской темы во многих книгах прозаика отнюдь не случайно. Писательница никогда не скрывала своей этнической и культурной принадлежности, всегда идентифи-

цируя свою национальность: „Я происхожу из еврейской семьи, в третьем поколении — высшее образование. [...] Семья была прекрасная — достойные, порядочные люди. Почти все. Прадед был религиозный еврей, последний в семье, после него пошло атеистическое поколение”¹. Во многих интервью Улицкая рассказывает о пережитом в связи с ее происхождением: „В 1953 году, когда было ‘дело врачей’ и антисемитизм пер из всех щелей и подворотен [...]. Я знала, что евреем быть плохо, но вполне с этой неприятностью справлялась”².

В то же время нельзя не упомянуть о спорах, ведущихся на некоторых сайтах онлайн журналов с целью обвинения Улицкой в ненависти к своему еврейскому происхождению, которые стоит относить скорее к нападкам, чем обвинениям по существу. В частности, открытым ненавистником писательницы является Владимир Опендик, исследователь еврейской темы времен революции и Гражданской войны, который в своих работах обвиняет Улицкую в лживых суждениях о евреях и еврействе³. Приведем показательную цитату из статьи Опендика *Православие Людмилы Улицкой*: „На самом деле, Улицкая ‘выблевала’ еврейский вопрос, которым она занимается с позиций католического и православного богословия, и который оказался для её желудка неудобоваримым, а для ума — непосильным”⁴. Из слов писательницы критик выбрал только те слова, которые ему наиболее подходили для соответствующей интерпретации. На самом же деле в письме к своей подруге писательница рассказывает о своих физических недомоганиях, связанных с прочтением большого количества материала о еврейском вопросе. Сравним высказывание писательницы:

Тогда, Леля, мне пришло в голову вот что: поскольку к этому времени я, несомненно, выблевала весь томатный сок, я поняла, что извергаю я из себя весь тот кошмар, который я проглотила за последние месяцы чтения — мучительного чтения всех книг об уничтожении евреев во время Второй мировой войны, всех книг по средневековой истории, включая историю Крестовых походов и более раннюю — церковных Соборов, Отцов Церкви от Блаженного Августина до Иоанна Златоуста, все антисемитские опусы, написанные просвещеннейшими и святейшими мужами, я выблевала все

¹ Д. Бавильский, *Людмила Улицкая: Человека формирует семья, а социум — в меньшей мере...*, „Лехаим”, 6.08.2014, <https://lechaim.ru/events/lyudmila-ulitskaya-cheloveka-formiruet-semya-a-sotsium-v-menshey-mere> [10.08.2019].

² Там же.

³ См. В. Опендик, *Откровение католички*, „NewsWe.com”, <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=print&id=665> [10.08.2019].

⁴ В. Опендик, *Православие Людмилы Улицкой*, <https://www.proza.ru/2012/01/23/107> [10.08.2019].

еврейские и нееврейские энциклопедии, которые за последние месяцы прочитала, весь еврейский вопрос, которым я отравилась сильнее, чем томатным соком⁵.

Националистический оттенок и глубоко субъективная критика господина Опендика более чем очевидны.

Более объективным высказыванием в отношении еврейского вопроса у Улицкой, как нам кажется, являются слова культуролога и публициста Михаила Горелика, который считает, что несмотря на присутствие в книгах Улицкой большого количества героев еврейского происхождения, это абсолютно не обозначает, что еврейский вопрос является в них ключевым. „Евреи есть — пишет эссеист — еврейского вопроса нет. [...] Оно сведено обыкновенно к социально обусловленным ситуациям и психологическим частностям. Интерес Улицкой не в 'еврейском', глаза ее смотрят на другое"⁶. Горелик смело заявляет, что книга *Даниэль Штайн, переводчик* — это богословский роман, поскольку он наполнен признаками литургического богословия, сотериологии, христологии и т.д.⁷

Упомянутая книга Улицкой является полудокументальным романом о судьбе еврея, работающего в гестапо переводчиком, который впоследствии принял христианство и священнический сан, а затем переехал в Израиль, где окормлял иудео-христианскую общину г. Хайфы, которую сам же и создал. Примечательно, что прообразом главного героя явился реальный исторический персонаж — Освальд Руфайзен, основавший в свое время в Палестине общину евреев-католиков, которая действует до сегодняшнего дня и является одним из центров межконфессиональных контактов. Встреча Улицкой с Руфайзеном, имеющая место в 1992 году, вдохновила ее к написанию книги о герое еврее с польско-немецкими корнями. Личность Руфайзена как литературного прототипа Даниэля Штайна во многих отношениях является уникальной. Будучи евреем по своему этническому происхождению и принадлежав одновременно к польской и немецкой культурам, Руфайзен спас от неминуемой смерти сотни еврейских жизней. В Белоруссии, оккупированной немцами во время Второй мировой войны, Руфайзен, работая переводчиком гестапо и являясь доверенным в немецкой среде лицом, неоднократно предупреждал своих братьев по крови о планируемых по-

⁵ Л. Улицкая, *Даниэль Штайн, переводчик*, АСТ, Москва 2015, с. 403.

⁶ М. Горелик, *Процание с ортодоксией*, „Новый мир” 2007, № 5, с. 168.

⁷ Там же, с. 169–176.

громах. Примечательно, что после его разоблачения и побега от нацистов, он принял католицизм и стал римо-католическим священником. Уехав в 60-х годах в Израиль, он организовал там не просто римо-католический приход, а иудео-христианскую общину. Деятельность брата Даниэля вызывала и до сих пор вызывает немало вопросов и споров⁸.

Показательно, что настоящая книга Улицкой удостоилась не только премии „Большая книга“, но также премии им. Александра Меня, — православного священника еврейского происхождения. Отметим, что писательница познакомилась с братом Даниэлем благодаря тому, что последний находился в переписке с отцом Менем. Интересно, что с обоими священнослужителями Улицкая была знакома лично, и считала их современными праведниками, которых объединяли не только еврейские корни, но христианская вера, а также понимание кризиса современного христианства⁹.

В книге *Даниэль Штайн, переводчик* затронуты вопросы философии, культурологии, теологии, религиоведения, социологии, психологии. Это книга о Второй мировой войне, холокосте, еврейских погромах, о методах расправы представителей советской власти над евреями. Здесь также история государства Израиль, жизненные обстоятельства реальных и вымышленных героев. Герои *Даниэля Штайна, переводчика* — это католики и православные, иудеи и мусульмане, евреи и арабы. Богатейший корпус имен, используемых в романе, демонстрирует, как особенности менталитета автора книги, так и духовное и культурное развитие языковой личности Улицкой¹⁰.

Повествование романа ведется в эпистолярных рамках. Роман-биография¹¹ — так определяет жанр Улицкая — состоит из писем героев, объявлений, интервью, стенограмм, высказываний, переписанных из магнитофонной записи. Действие книги происходит в нескольких странах — Польше, Израиле, США, Франции, Германии, Италии и России. Отметим, что не только главный герой является реальным лицом, но, как констатируют исследователи данной темы, „почти все типажи она

⁸ О. Дорошенко, *Казус Малецкого*, часть 1, <http://pharisai.at.ua/publ/8-1-0-178> [01.01.2019].

⁹ Людмила Улицкая получила привет с небес, интервью ведет Юрий Васильев, <https://www.svoboda.org/a/1566146.html> [28.11.2018].

¹⁰ Э. Маслова, *Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в романах Людмилы Улицкой „Даниэль Штайн, переводчик“ и „Искренне ваш Шурик“*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Елабуга 2012, с. 10.

¹¹ Улицкая о „Даниэле Штайне“, *Нью-Йорке и читателях*, интервью для русской службы BBC, 20 апреля 2011, <https://www.liveinternet.ru/users/drsommers/post162461011> [10.08.2019].

срисовывала с близких и знакомых, этим нередко усложняя себе жизнь¹².

Все вышесказанное позволяет говорить не только об использовании Улицкой метода фактографии, но также о документально-художественной прозе, к которой можно отнести анализируемую книгу. Отметим, что документальная проза и художественная проза, как две разновидности словесного творчества¹³, несмотря на четкое различие стилей, находят смежную полосу, с помощью которой они взаимодополняют и обогащают друг друга, создавая новые рамки и требования в новом жанре, — в жанре документально-художественной прозы. Добавим, что художественно-документальная проза не имеет ничего общего с чисто формальным соединением документа и художественно подготовленного текста. Как раз наоборот, это сложное „взаимодействие противоположных возможностей отражения жизненного процесса“¹⁴.

Сложность настоящего жанра заключается еще в том, что если мы без затруднений можем начертить границы дозволенного в художественной прозе отдельно, и отдельно в документальной литературе, то в случае художественной-документальной образца, начертание такой границы не представляется возможным. От выбранной автором текста стратегии зависит то, будет ли это „установка на предельную фактографическую достоверность“ или же „ориентация на художественную манеру повествования, подчиняющую себе документ“¹⁵. Здесь можно говорить о двух способах творческой обработки документа. Первая заключается в воссоздании с помощью авторского воображения достоверных сцен, событий, эпизодов. В данном случае документальный факт служит основой для изображений. Очень часто он дополняется и, при необходимости, претерпевает необходимую трансформацию. Именно такой метод выбрала Улицкая в своей работе над книгой. В интервью для русской службы BBC писательница так обосновывает выбор темы книги и главного героя:

Моего героя и его прототип интересовали крупные вопросы религии, взаимоотношений человека и его Творца, но в своей жизни приходского священника он постоянно бывал вовлечен и во взаимоотношения между людьми. Он латал дыры и чинил поломки. Вместе с Даниэлем мне при-

¹² Э. Маслова, *Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов...*, с. 64.

¹³ Т. Симонова, *Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра*, ГрГУ, Гродно 2002, с. 8.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 9.

шлось повторить его путь и прожить эти 600 страниц, и я очень ему благодарна за то, что он впустил меня в это пространство¹⁶.

Авторский выбор заглавия книги — „двухкомпонентная модель официального наименования“¹⁷ также отсылает к документальной прозе. Кроме этого, в представлении героев довольно распространённым приемом является употребление трехкомпонентной модели официального наименования, то есть ФИО, что лишний раз обуславливает принадлежность романа к документальной хронике¹⁸.

Авторская позиция наиболее слышна в шести письмах, написанных подруге — Елене Костюкович. В них выразительно звучит мнение писательницы о проблемах, героях, которым была посвящена отдельная часть книги: они замечательно вписываются в документальное повествование книги. Некоторые представители литературной критики склонны утверждать, что Улицкая сама является главным героем романа. Горелик апеллирует, что писательница, отказавшись от повествования, передав привилегию другим героям, возвращает себе эту привилегию, став одним из тех других. Ее размышления, эмоции, слезы, болезни и радости становятся частью мира книги¹⁹.

Заинтересованность Улицкой нелинейным постмодернистским дискурсом неоднократно отмечалась исследователями творчества писательницы, а также критиками. Попытки коллажного дискурса можно отметить в ранних книгах писательницы, к примеру, в *Казусе Кукоцкого*. В то же время, сложная композиция романа *Даниэль Штайн, переводчик* напоминает монтаж. Одним из ключевых приемов монтажа является фрагментарность, свойственная всей книге. Прием монтажа, используемый в кинематографии и заимствованный из нее в литературе, нашел свое применение особенно в документальной и художественно-документальной прозе. Улицкая пользуется им с большим мастерством: книга обилует случайными упоминаниями о каком-то событии или человеке, которые в дальнейших главах разворачиваются и предстают во всей полноте. Намек и аллюзия об упомянутом может быть разделена днями, месяцами и даже годами. С помощью данного приема мы узнаем о герое и его подвигах во время войны,

¹⁶ Улицкая о „Даниэле Штайне“...

¹⁷ Э. Маслова, *Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов...*, с. 7.

¹⁸ Там же, с. 73.

¹⁹ М. Горелик, *Прощание с ортодоксией...*, с. 169.

а затем о миссионерской деятельности в Иерусалиме. Это рассказы-воспоминания разных героев, а также его собственные беседы со школьниками, разделенные разными годами и событиями. Благодаря приему монтажа писательнице удастся исчерпывающе представить личность Штайна. Фрагментарность и раздробленность текста, его многоголосие и полифония — это те художественные и языковые средства, которые способствуют решению главной задачи писательницы — представить идеального человека, современного праведника. Роман представляет собой „мозаичное панно, сотканное из единичных человеческих судеб“²⁰.

Светлана Руссова определила жанр книги Улицкой как *non-fiction*, переходящий в жанр апокрифа и жития²¹. Это смелое заявление исследовательница аргументирует тем, что писательница не стала бы писать чисто документальную книгу по той причине, что ряд произведений такого жанра уже написаны (*У войны не женское лицо* Светланы Алексиевич и др.) Суть выбранной литературной игры в книге Улицкой заключается в том, что „текст рассказывает себя сам“, а именно, — через письма²². Прямой мотивацией Улицкой к написанию книги о брате Даниэле явилась ее убежденность в праведности этого человека.

Когда Руфайзен вошел в мой дом, — вспоминает Улицкая — мне показалось, что я вижу апостола: маленького, потрясающе приватного, в сандаликах. Он был острым, но очень терпимым человеком. Святым... Так случилось, что в моей жизни брат Даниэль появился в минуту глубочайшего кризиса. Мы проговорили с ним несколько часов, и я поняла, что состояние кризиса — это нормальное состояние²³.

После описанной встречи Улицкая занялась переводом документальной книги о Руфайзене, затем приступила к написанию уже своей книги — *Даниэль Штайн, переводчик*.

Улицкая называет Руфайзена святым праведником, описывая путь его святости через свидетельства очевидцев. Писательница не навязывает читателям восприятия главного героя в рамках сакральности, однако ее восхищение братом Даниэлем невозможно не заметить. Ортопраксия вместо ортодоксии

²⁰ Э. Маслова, *Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов...*, с. 71.

²¹ С. Руссова, *Стратегии игрового дискурса в романе Л. Улицкой Даниэль Штайн, переводчик*, Берлин, <http://dSPACE.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31045/22-Russova.pdf?sequence=1> [10.08.2019].

²² Там же, с. 4.

²³ Людмила Улицкая. „Даниэль Штайн, переводчик“, 6.04.2018, <http://dnevnikykt.ru/Aikhallaana/1088868> [10.08.2019].

никак не является для Улицкой помехой в возведении главного героя в ранг святости. Создается впечатление, что для автора книги важен был сам человек, его жизненный подвиг, в то время как духовно-религиозные стороны его деятельности были менее существенны. Из этого следует, что Улицкая видит в Штайне святого не потому, что он стал монахом, принял католицизм и основал иудео-христианскую общину. Его святость для писательницы заключается в действенности, в непрерывном соприкосновении с еврейским народом, в отказе от „жизни для себя“, наконец, в альтруистическом образе жизни. Улицкая говорит следующее о цели написания настоящей книги: „Моя задача была рассказать о человеке, с моей точки зрения, святом. Это и есть святой праведник XX века. И такие святые были не только среди верующих, но и среди атеистов тоже. Это человек, который поднялся над собой и отдал жизнь другим“²⁴. Примечательно, что святость понимается писательницей скорее как нравственная прерогатива, нежели духовно-религиозная составляющая. Для Улицкой, герой книги — это воплощение абсолютного смирения и кротости. Писательница идеализирует своего героя, об этом свидетельствуют не только высказывания Улицкой в СМИ, но также прием представления данного персонажа в книге.

Брат Даниэль предстает перед читателем как герой нашего времени: он спас сотни человеческих жизней. О том, как он это делал, читатель узнает намного позже, но на подсознательном уровне, будущий монах — уже герой. В таком „преподнесении“ главного героя, возможно, и кроется главная цель Улицкой. Если герой абсолютно бескорыстно спас такое количество людей, значит в дальнейшем он может менять веру, не следовать догматическим требованиям данной религии, и это не подлежит осуждению и критике. Представляя образ праведника-экумениста от его лица, но также от своего собственного, Улицкая поддерживает его идею некоей иудео-христианской церкви. Будучи евреем, герой выбирает христианское вероисповедание, но одновременно отстаивает свое иудейство в сакраментальном и гражданском плане, борясь с государством Израиль на судебном уровне за право называться евреем.

Выбранная Улицкой тематика книги — вопросы современного иудео-христианства — во многих научных статьях, а также онлайн-высказываниях и откликах на книгу, встретилась

²⁴ А. Жукова, *Усилие веры. Разговор с Людмилой Улицкой*, 30.10.2016, <https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/426-usilie-very-razgovor-s-lyudmiloy-ulickoy.html> [28.11.2018].

с лавиной негативных замечаний. В частности, книга вызвала бурные обсуждения также в СМИ. В них писательнице приписывается некомпетентность и неграмотность в догматических вопросах. Некоторые критики отмечают в романе Улицкой прямое богохульство. Вместо ортодоксии главный герой проповедует ортопраксию, смысл которой заключается в правильном поведении в ущерб догматических правил и канонов христианского вероисповедания. В данном случае и еврейский вопрос, и представление христианских ценностей были подвергнуты „кактусовой“ критике. Недовольными остались те, кто усмотрел в главном герое предателя иудейской веры. Разочарованными оказались также те, кто надеялся, что христианство в экуменическом ключе Штайна не переступит рамки дозволенного. Блюстители христианских догматов не оставили на книге сухой нитки: нашлась целая вереница неточностей и промахов религиозного характера. Герой Улицкой, в частности, не признавал римо-католического учения о непорочном зачатии Девы Марии, а также догмат о Святой Троице. Даниэль, как представитель древней римской церкви, жил в Израиле и служил мессу на иврите собственного перевода. Будучи монахом, он в то же время не жил в монастырских стенах, но вел свободную жизнь и подрабатывал экскурсоводом. К одежде героя тоже можно ставить вопросы, поскольку он не ходил в монашеской рясе, а в светской одежде (сильно изношенной).

Оказывается, слово переводчик, вынесенное в заглавие книги, не имеет прямого отношения к тому, чем герой занимался в гестапо. По мнению Улицкой, Даниэль имел связь с Богом, он был переводчиком с языка Божественных Откровений на обычный человеческий язык²⁵. Дар переводчика, которым был наделен главный герой и его прототип, является символом некоего моста между людьми. По учениям Штайна, любые возникшие ситуации и обстоятельства нужно направлять в русло единения и всеобъемлющей любви. Будучи посредником — в роли переводчика или священника — Даниэль старался вносить мир даже там, где подвергал свою жизнь опасности. В основе его веры — преданное служение другим и всеобъемлющая, всепрощающая любовь. Он считал, что Бога нет там, где есть вражда, обида, предательство. Такой подход обуславливает приверженность героя ортопраксии и неважность ортодоксии. Не один Штайн в романе ищет Бога и задается

²⁵ Там же.

вопросами трансцендентного характера. В *Переводчике* представлены судьбы других героев и их поиск веры: это и монахи, в квартирах-кельях которых проходили духовные встречи, это и ярая коммунистка, которая в старости на ложе смерти открыла для себя Бога, это также атеисты, имеющие для Даниэля такую же ценность, как воцерковленные люди. Организовав общину говорящих на иврите католиков, он принимал в нее и униатов, и протестантов, и православных. Главная цель, которую преследовал священник, — „творить добрые дела“. И тем не менее, в словах Даниэля можно обнаружить много святотатства, отрицания устоявшихся общепринятых вопросов вероучительного характера. Дело касается не только непризнания догматов и других установок христианской традиции, но вообще всего историко-философского подхода к христианскому учению как к таковому.

Перечисляя вышеуказанные отклонения, на первый план выдвигается отрицание главным героем краеугольного учения христианства о Святой Троице как о Троиедином Боге.

Называйте меня как хотите — несторианцем, еретиком — но до IV века о Троице вообще не говорили, об этом нет ни слова в Евангелии! Это придумали греки, потому что их интересуют философские построения, а не Единый Бог, и потому что они были политеисты! И ещё надо сказать им спасибо, что они не поставили трех богов, а только три лица! Какое лицо? Что такое лицо? [...] Этой высокоумной болтовнёй непостижимость Творца ставится под сомнение! Они уже постигли, что есть три лица! Как электричество устроено, никто не знает, а как устроен Бог, они знают!²⁶

— заявляет главный герой римо-католическому Префекту Конгрегации по вопросам доктрины веры. В связи с этой цитатой подчеркнем, что одной из ключевых проблем прагматичной функциональности в вопросах веры является ее неприемлемость в духовных процессах, не говоря уже о дилемме определения духовной сущности вещей и природы Бога. Человек, пытающийся провести аналогию с видимым физическим миром и на этом основании построить свое умозаключение о тайнах бытия, неизбежно придет к ошибочным выводам, так и не постигнув, даже отчасти, природы рассматриваемых вещей. В данном случае утверждение героя ошибочно и в одном, и в другом плане, поскольку знания об электричестве современной науки довольно обширны. С другой стороны, любое применение логической системы координат к тайнам Божественной природы контрпродуктивно, так как принадле-

²⁶ Л. Улицкая, *Даниэль Штайн, переводчик...*, с. 388–389.

жит абсолютно иному измерению — тварному, в то время как в постижении Бога необходимо исходить из категорий Откровения и нетварности Его природы²⁷.

Данное высказывание игнорирует также не только Евангельские слова Христа о необходимости крестить верующих во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа²⁸, но и всю тринитарную полемику рубежа III и IV веков, когда как раз и родилась арианская ересь, глобальная по своим масштабам. Здесь необходимо отметить, что уже Книга Бытия содержит косвенное указание на „множественность” Лиц, участвующих в деле сотворения мира и человека²⁹. Важно понять, что без обоснования догмата о Святой Троице не может идти речи о христианстве как таковом, поскольку именно это учение является фундаментом христианской веры и отличает ее от других монотеистических религий: иудаизма и ислама, в частности. Если же говорить об отдельно взятой человеческой личности, то восприятие ею тайны Святой Троицы иначе как через Откровение невозможно по определению³⁰. В какой-то мере данную исповедальную установку брата Даниэля можно очертить как современное нео-иудейство, отбрасывающее всю святоотеческую традицию и строящееся лишь на ветхозаветной традиции Торы. С другой стороны, в дальнейших высказываниях главного героя четко просматривается ошибочность его историософской интерпретации церковной догматики и церковной истории. Кредо или Символ веры, а также последующие догматы были приняты Отцами Церкви на вселенских соборах не как результат философских дискуссий, свойственных эллинской традиции, но как ответ на вызовы эпохи, в частности, на ереси христологического, пневматологического и других богословских характеров.

С этой точки зрения интересно еще одно утверждение главного героя, относящееся именно к историософской парадигме его модели иудео-христианства: „Почему Его (Христа) надо искать в церковных учениях, которые появились через тысячу лет после Его смерти?”³¹. Поскольку каждый христианин в силу своего призвания обязан искать живого взаимоотношения со Христом, реальной связи, вытекающей как из молитвенного

²⁷ В. Лосский, *Боговидение*, АСТ, Москва 2006, с. 322.

²⁸ Мат. 28:19.

²⁹ См. Бытие 1:26–27.

³⁰ *Творения иже во святых отца нашего Григорія Богослова, Архиепископа Константинопольскаго*, Типографія Августа Семены, Москва 1884, с. 288.

³¹ Л. Улицкая, *Даниэль Штайн, переводчик...*, с. 114.

подвига, так и из соответствующего образа жизни, описанного в Священном Писании и, в частности, в Новом Завете, осмелимся утверждать, что любое построение в своем сознании определенной модели, исходящей из каких-то субъективных представлений о Боге, лживых установок или ожиданий, является, по сути, идолопоклонством, а не прямой связью с Богом. В свою очередь, свидетельство лиц, лично знавших и общавшихся со Христом во время Его земной жизни, а также всех их последователей, дальних и ближних, которым удалось установить со Спасителем живую и действенную связь, не может рассматриваться как некая „лишняя информация“, способная исказить взаимоотношения христианина с Богом. Все, что приближает нас ко Христу, исторические данные, учения отцов Церкви, назидательные и нравоучительные письма апостолов или же прямое учение, исходящее из уст самого Спасителя, призвано снабдить нас полнотой ведения, так необходимого в духовном преуспевании. С другой стороны, духовный опыт отдельных христиан не может не отображаться в письменных источниках, которые не заслоняют образ Христа, а только дополняют его. Самое, однако, потрясающе опасное утверждение героя, как нам кажется, заключается в его последней фразе: „после Его смерти“(!). Уже только одно это высказывание может служить доказательством негации факта воскресения Христова, — краеугольного учения Христианства. Это уже не просто непризнание Божества в Иисусе Христе, это отрицание самой сути христианства: „Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша“ — так восклицает апостол Павел³².

Во взглядах героя можно найти также оригинальные суждения из области межконфессионального и внутривероисповедного общения: „Не говорю уж о разнообразных православных, между которыми тоже нет никакого согласия — церковь Московской патриархии находится в глубоком конфликте с зарубежниками и так далее до бесконечности...“³³. В этом отношении важно осознавать ключевую закономерность Православной церкви, заключающуюся в полном экклезиологическом и догматическом единстве всех поместных православных церквей. Отдельные разногласия политического и государственного характера всегда сопутствовали любому земному обществу, в то время как вынашивание определенного космополитического идеала относится исключительно

³² 1 Кор. 15:14.

³³ Л. Улицкая, *Даниэль Штайн, переводчик...*, с. 367.

к сфере философских идеалов. С другой стороны, конфликты социально-политического плана в истории Православной Церкви всегда рано или поздно оканчивались, что с перспективы 2018 года явно подтверждает эту тенденцию в отношении Русской зарубежной церкви³⁴.

Отдельное внимание нужно обратить на отсутствие символа веры при служении мессы братом Даниэлем³⁵. Нельзя не отметить, что символ веры, как неотъемлемый элемент евхаристической службы, является фундаментом вероисповедания, без которого богослужebное поклонение просто не имеет смысла. Символ веры не является простым перечислением догматов, а исповеданием веры, формулировкой главной вероучительной истины, олицетворяющей собой истинное богочитание и богопоклонение. Отсюда выход за рамки принятой христианской догматики является прямым отрицанием как самого поклонения, так и правильной веры в Бога. В то же время настоящую проблему необходимо рассматривать в более широком контексте. Отсутствие символа веры в мессе брата Даниэля не является единственным нововведением в литургической практике главного героя произведения. Если мы проанализируем составленный им текст так называемой *Трапезы Воспоминания*³⁶, то станет ясно, что предложенная молитвенная формула в действительности имеет мало общего даже с самой латинской мессой. По сути, это исключительно материал, основывающийся на цитатах и ветхозаветных фрагментах, в котором отсутствует центральный для христианства момент исповедания Отца и Сына, и Святого Духа. Интересно то, что данная „свобода“ духовной и литургической практики вытекала, на наш взгляд, из другой конфессиональной и национальной установки героя, а именно, из его узкого видения еврейского национального вопроса, а также роли еврейской нации во всем сотериологическом процессе. Взгляды брата Даниэля, сродни этнофилической ереси, ставили евреев как нацию выше всех других народов, в ущерб утверждению, что Сын Божий пришел на Землю, чтобы стать Человеком, а не „евреем“ в узком смысле этого слова. По свидетельству самого Спасителя, именно такой подход является ключевым

³⁴ 17 мая 2007 года в Москве Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Лавром был подписан *Акт о каноническом общении Русской Православной Церкви за границей с Русской Православной Церковью Московского Патриархата* — документ, окончивший почти 90-летний конфликт между Русской Православной Церковью за границей и Русской Православной Церковью Московского Патриархата.

³⁵ Л. Улицкая, *Даниэль Штайн, переводчик...*, с. 493–498.

³⁶ Там же, с. 493–498.

в правильном понимании всего смысла евангельского благовестия: „И не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму“³⁷. В этом отношении понятие „расширенный Израиль“³⁸, сконструированное братом Даниэлем, является как раз проявлением именно такого узко-национального видения истории Ветхого и Нового Заветов.

Своего рода дополнением к специфике иудео-христианского казуса романа Улицкой являются еще два персонажа, взгляды которых заслуживают отдельного внимания. Итак, еврейская пара — Эстер и Исаак Гантман — польские евреи, оба врачи, попавшие в гетто во время войны, о своих еврейских корнях высказываются, в отличие от брата Даниэля, с нотой нелюбви: „Евреи — одержимый народ: рьяных евреев, особенно хасидов с их шелковыми шляпами, нелепыми кафтанами, латаными и перештопанными чулками и еврейских комиссаров, пламенных коммунистов и чекистов относил к одному психическому типу“³⁹. Одной из основных еврейских проблем, по мнению Гантманов, является утрата еврейством духовности и веры в Бога. Исаак так сформулировал ключевую причину рассматриваемого явления:

Мне, атеисту, встретилось и во время войны, и в послевоенные годы множество евреев, переживших кризис веры — народ наш превратился в коллективного Иова, сидящего на пепелище, лишившегося детей, здоровья, имущества, самого смысла существования. Утратившего в большой мере и то сокровище, которым кичился — саму веру⁴⁰.

Главной проблемой современного еврейства, по мнению Исаака Гантмана, является геноцид евреев времен Второй мировой войны, а точнее отсутствие „реакции“ Бога на произошедшее. Уже в Библии он усматривает логическую нестыковку и отсутствие промысла в судьбе Иова, считая, что восстановление его здоровья и имущества не меняет несправедливости в его отношении, и самого его делает всего лишь жертвой „сомнительного пари Творца с некой тварью“⁴¹. Неверие евреев, вызванное пресловутой „исторической несправедливостью“, привело их все же, по мнению Гантмана, к великим научным открытиям, которые не были бы возможны без их большого умст-

³⁷ Лук. 3:8.

³⁸ Л. Улицкая, *Даниэль Штайн, переводчик...*, с. 396.

³⁹ Там же, с. 20.

⁴⁰ Там же, с. 233.

⁴¹ Там же, с. 234.

венного потенциала, развитого тысячелетними богословскими изысканиями. В этом отношении нельзя не увидеть главной методологической ошибки данной исторической интерпретации, а именно отсутствия духовного видения событий и сведения предмета обсуждения лишь к тварному, видимому миру.

Следующим историософским моментом, на который обращают внимание Гантманы, является отсутствие у еврейства свободы, — категории, присутствующей во всех книгах писательницы. Исаак представляет свое видение этого вопроса в следующем высказывании:

Я не мог перестать быть евреем. Еврейство навязчиво и авторитарно, проклятый горб и прекрасный дар, оно диктует логику и образ мыслей, сковывает и пеленает. Оно не отменимо, как пол. Еврейство ограничивает свободу. Я всегда хотел выйти за его пределы — выходил, шел куда угодно, по другим дорогам, десять, двадцать, тридцать лет, но обнаруживал в какой-то момент, что никуда не пришел⁴².

Отметим, что духовно-философские рамки свободы настолько широки, что найти дефиницию этого феноменального термина не представляется возможным. Осмыслением духовно-философских, а также литературных рамок концепта свободы занимались многие представители рубежа XIX–XX века: Николай Бердяев, Владимир Соловьев, Василий Розанов, Дмитрий Мережковский и др. Степень адекватности определения данного термина во многом продиктована творчеством конкретного писателя. К примеру, для современников Александра Пушкина, как и для него самого свобода была связана с пространством героя. Ограничение свободы он видел в самодержавии, монархической власти. Певцом вольности и свободы был также Михаил Лермонтов. Духовная свобода, подавляемая общественными действиями, заставляет героя Лермонтова искать свободы и находить ее в стихии природы, далеко от светской суеты. В отличие от Пушкина и Лермонтова свобода Федора Достоевского напрямую отсылала к теодицее и антроподицее. Такое осмысление свободы имело влияние на развитие религиозно-философской мысли рубежа XIX–XX века. Интересным в данном контексте представляются слова Мережковского о восприятии свободы в эмиграции: „Свобода — это чужбина, эмиграция, пустота — в то время как Россия воспринималась интеллигенцией как отрицание свободы, — рабство”⁴³. В свою очередь,

⁴² Там же, с. 22.

⁴³ По: Б. Кодзис, *Литературные центры русского зарубежья 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*, Sagner, München 2002, с. 37.

Бердяев, главной идеей, пронизывающей все концептуальное мировоззрение, считал свободу духа, рассматриваемую в категориях экзистенциально-персоналистской философии. Суть своего понимания свободы Бердяев изложил в следующем высказывании:

Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ. В свободе скрыта тайна мира. Бог захотел свободы и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце. У меня есть основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу. Лишь свобода должна быть сакрализована, все же ложные сакрализации, наполняющие историю, должны быть десакрализованы⁴⁴.

В художественном мире писательницы свобода — это не только способ самовыражения, но также, а может и прежде всего, не навязанный и вынужденный образ существования и бытования. Свобода — это форма жизни *modus vivendi*. Если героями, к примеру, Бориса Зайцева свобода проявляется в самоотречении, обуздании страстей⁴⁵, то герои Улицкой видят ее в любви, в духовной и нравственной независимости, в избавлении от еврейских корней. К слову, это как раз тот момент, в котором писательницу обвиняет господин Опендик, т.е. в ненависти к своему происхождению.

Подводя итоги нашего исследования, необходимо сделать следующие замечания относительно проделанного анализа произведения Улицкой *Даниэль Штайн, переводчик*. Рассматриваемая книга является интересным материалом для изучения современной иудео-христианской проблематики, как с точки зрения литературной фабулы, так и документальной прозы. Вследствие того, что многие аспекты деятельности реального исторического персонажа, брата Даниэля, не до

⁴⁴ Н. Бердяев, *Самопознание*, Международные отношения, Москва 1990, с. 52. Философ „свободы“ пошел дальше и транспонировал феномен свободы на категорию благодати: „Просветляющая благодать и есть высшая свобода. Бог действует в свободе и через свободу, и вне свободы благодати нет. Традиционное противоположение свободы и благодати в теологической литературе поверхностно и не идет в глубину вопроса. Когда человек совершенно свободен, то он в благодати. Это есть пробуждение божественного элемента в человеке. Если без свободы невозможно принятие благодати, нет для этого органа, то без благодати нет окончательного освобождения человека от необходимости, рабства и фатума. Это все тоже тайна бого-человечности“. См. Н. Бердяев, *Истина и откровение*, Издательство Русского Христианского гуманитарного института, Санкт-Петербург 1996, с. 69.

⁴⁵ О. Князева, *Христианские мотивы в романе Б. К. Зайцева „Дальний край“* // А. Черников (ред.), *Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева, Третьи международные Зайцевские чтения*, Гриф, Калуга 2001, с. 139.

конца изучены исторической наукой и во многом являются сильно мифологизированными, иногда сложно выделить реальные факты из среды литературного вымысла. Тем не менее, ряд высказываний, а также религиозная деятельность главного героя произведения, являются противоречивыми и не соответствуют устоявшимся образцам христианской догматики. В то же время главная причина, на наш взгляд, некоей „оригинальной“ деятельности Штайна, кроется в его субъективной модели еврейской историософии. Узкий национальный взгляд в конце концов приводит главного героя к этнофилии, которую он распространяет не только на государственно-этническую историю своего народа, но и на сферу религии и духовности, утрачивая при этом главное содержание евангельской проповеди, устраняющей еврейский национальный утилитаризм и провозглашающей универсализм всечеловеческого единения в таинстве любви к Богу и ближнему вне зависимости от его этнического происхождения.